

УДК 262.14:29(=512.31) '18'

Дискуссия православных миссионеров XIX в. о языке обучения и богослужения и проблема конфессиональной и этнической идентичности бурят*

Н. П. Матханова

Институт истории СО РАН, г. Новосибирск

Аннотация. Рассматривается дискуссия между видными миссионерами Русской православной церкви по вопросу о необходимости и/или нежелательности использования бурятского языка в обучении и богослужении, о соотношении этнической и конфессиональной идентичности. Приводится мнение руководителя Забайкальской духовной миссии, впоследствии главы Иркутской епархии Вениамина (Благонравова), который доказывал необходимость использования русского языка в обучении бурят и богослужении для них. Ставя задачу русификации бурят, он считал, что сохранение бурятского языка приведет к поддержанию этнической идентичности. Приведена противоположная точка зрения казанского педагога и миссионера Н. И. Ильминского. Использована переписка обоих диспутантов друг с другом и с обер-прокурором Синода К. П. Победоносцевым, а также письма Вениамина его другу, главе Алтайской духовной миссии Владимиру (Петрову).

Ключевые слова: этническая и конфессиональная идентичность бурят, миссионеры РПЦ, перевод религиозной литературы на бурятский язык, Вениамин (Благонравов), Владимир (Петров), Н. И. Ильминский, К. П. Победоносцев.

В записках, публицистических сочинениях и письмах православные священники XIX в. обсуждали важный для них вопрос о языке обучения, богослужения, проповеди среди сибирских инородцев, в том числе и бурят. Он напрямую связывался деятелями Русской православной церкви с проблемой соотношения этнической и конфессиональной идентичности. Обсуждалась практически важная тема: на каком языке, родном или русском, нужно вести богослужение и учить детей, как переводить и переводить ли вообще священные и богослужебные книги. Полемика велась и в частной переписке, и на страницах церковной печати, и на заседаниях собора сибирских иерархов в 1885 г.

Проблема шире региональных рамок и имеет общеимперский характер, затрагивая важный вопрос о культурно-языковой унификации всех нерус-

* Статья подготовлена в рамках работы по проекту «Религия и культура как факторы становления и сохранения национальной и региональной идентичности» Комплексной программы Сибирского отделения РАН II.2. В основу статьи положен доклад на конференции «Азиатская Россия: проблемы социально-экономического, демографического и культурного развития (XVII–XXI вв.)» (г. Новосибирск, 28–30 ноября 2016 г.), тезисы которого опубликованы в материалах конференции.

ских народов. Различные ее аспекты рассмотрены в ряде серьезных работ историков [1–5; 11; 12; 14; 31; 32].

Одну точку зрения отстаивали знаменитый казанский миссионер и педагог Н. И. Ильминский и глава Алтайской духовной миссии (в 1865–1883 гг.), епископ Томский (в 1883–1886 гг.) Владимир (Петров). Другую – епископ Селенгинский (в 1862–1868 гг.), епископ (с 1878 г. архиепископ) Иркутский (в 1873–1892 гг.) Вениамин (Благодравов) и его подчиненные, в том числе Мартиниан (Муратовский). При этом Владимир и Вениамин были дружны с молодых лет, со времен службы в Томской духовной семинарии и связанных с нею тяжелых испытаний [30, с. 3–4], а с Ильминским Вениамин был знаком еще с Казанской духовной академии («мой благосклонный знакомец еще со студенческой скамьи», – писал Ильминский о нем [15, с. 116]). Всех их связывало взаимное уважение, общие интересы и искренняя преданность своему делу, хотя их позиции по обсуждаемому вопросу принципиально расходились.

Еще в 1904 г. профессор К. В. Харлампович указал суть разногласий: «Ильминский, как известно, старался вести просвещение инородцев на их родном языке», что должно было «послужить основой для обращения инородческих масс. Преосвященный же Вениамин отрицал необходимость, по крайней мере по отношению к бурятам и другим инородцам Восточной Сибири, проповеди и школьного преподавания на их языке» [29, с. 6]. Свои позиции полемизирующие стороны обозначили и аргументировали в переписке (в том числе с обер-прокурором Синода К. П. Победоносцевым), публицистических и иных сочинениях.

Во время первых встреч с бурятами Вениамин услышал от них многожды потом повторенное: «Вы – русские, вам Бог дал и веру русскую, а нам, бурятам, дал бурятскую» [8, с. 11]. Сразу после этого, в самом начале своей деятельности в Забайкалье, он написал Н. И. Ильминскому: «Для бурята русская вера и русское просвещение на бурятском языке немыслимы» [21, с. 8]. Через несколько лет Вениамин более аргументированно и продуманно связывал вопрос о языке с сохранением и/или изменением этнической идентичности: «... я держусь такого правила, что если новокрещенные понимают по-русски, то не навязывать им монгольского. Пусть скорее обрусеют: это лучше утвердит их в вере, а дети их не будут знать ничего бурятского, ни веры, ни языка. А если оставить их бурятами, то для каждого нового поколения нужны будут новые миссионерские действия» [8, с. 108–109]. По его мнению, не только преподавание, но и богослужение следовало вести на русском: «Вводить монгольское богослужение для бурят, понимающих по-русски, значит искусственно поддерживать в них привязанность ко всему бурятскому со всеми предрассудками и суевериями» [8, с. 109]. Новый глава Забайкальской духовной миссии епископ Мартиниан (Муратовский) первоначально отзывался в духе Вениамина, утверждая, что «почти все крещеные и некрещеные инородцы Баргузинского и Кударинского ведомств умеют говорить по-русски... обучают своих детей русской грамоте и не находят нужным слышать богослужение на монголо-бурятском языке» [31, с. 246].

Но не все сослуживцы Вениамина разделяли его мнение относительно ненужности и даже вредности использования бурятского языка в богослужении и обучении. Архиепископ Иркутский Парфений (Попов) указывал: «Отправление богослужения на родном языке есть удовлетворение одной из вопиющих нужд в деле религии» [23, с. 280].

Вениамин утверждал: «Миссия православия по отношению к инородцам есть вместе с тем миссия обрусения» [7, с. 644]. Вопрос о языке при всей его важности был для него лишь частью более широкой проблемы. «Преосвященный Вениамин, – писал К. В. Харлампович, – едва сделался начальником миссии, как обратил внимание на связь христианизации инородцев с переменой их быта, причем считал последнее нужным не только в религиозных интересах, но и для успехов русской гражданственности» [27, № 7, с. 155]. Позиция миссионера парадоксальным образом совпадала с мнением столь осуждавшихся им бурят-буддистов. Это убеждение Вениамина имело более прочные и глубокие корни и основывалось на традиционном представлении о характере взаимоотношений церкви и государства в России. В одной из своих многочисленных публицистических статей он писал: «... вселенское православие в России существует как русская вера, и только тот называется русским, кто православный. Римско-католик поляком, лютеранин немцем, магометанин татарин, язычник в Сибири остается бурятом дотол, пока он неправославный. Православие всех их равно делает русскими, и каждый из них почтет для себя оскорблением, если по принятии православия его назовут нерусским» [7, с. 643]. Вениамин требовал активного участия государства и его представителей в христианизации аборигенов, что приводило к многочисленным конфликтам с деятелями сибирской администрации [Подробнее см.: 13; 20].

Принципиально противоположным был подход Н. И. Ильминского. Для него главным было достижение не внешнего, формального, а внутреннего, глубокого принятия православия. Поэтому вся его система преподавания была построена на том, что «школьное обучение на начальном этапе должно проводиться на родном для учащихся языке... Постепенно дети должны изучить русский язык и продолжить образование на нем» [18, с. 86]. Как пишет Р. Р. Исхаков, «Ильминский предлагал концепцию «этнизации» православия, гармоничного встраивания христианства в культуру и мировоззрение местного населения, без коренной ломки их этнокультурного поля» [17, с. 6]. Он предлагал внушать крещеным татарам, «что наша вера отнюдь не посягает на их народность; что она не русская, а всемирная, святая, Христова» [17, с. 10]. Таким образом, для Ильминского этническая и конфессиональная идентичности не тождественны.

Глава Алтайской духовной миссии архимандрит, а затем епископ Владимир, как и все сотрудники миссии, вслед за ее основателем архимандритом Макарием (Глухаревым) неизменно отстаивал идею обучения, проповеди и общения на родных языках аборигенов, перевода священных и богослужебных книг. На закате дней, подводя итоги своей миссионерской деятельности, Владимир писал: «...миссионеру нужно и самому знать язык

своих инородцев, и на их природном языке полагать начало обучению их (и взрослых, и юных) истинам веры, правилам жизни благочестивой и самой практике благочестия... Это необходимо не только для того, чтобы ново-крещенным быть... «прочными» православными, но и для того, чтобы всецело быть русскими людьми» [9, с. 8]. Не соглашаясь с мнением М. Н. Каткова, он писал, что далеко не все «знатоки русского языка» были последователями православия, и, напротив, «проникшийся... духом православия посредством родного своего языка не только почувствует едино со святою Русью и всем русским, но... постарается больше и больше узнавать русский язык» [9, с. 11]. Значит, Владимир различал этническую и конфессиональную идентичности, считая понятие «русскости» более широким, чем этническая принадлежность.

Обе стороны стремились к инкорпорации аборигенов в российское конфессиональное пространство, но пути достижения этой цели полагали различными.

Для участников дискуссии чрезвычайно важен был вопрос о переводах. Обсуждалось два аспекта этой темы. Во-первых, нужно ли переводить священные и богослужебные книги на языки инородцев, и, во-вторых, если переводить, то какой язык использовать – «живой», разговорный, или литературный, письменный.

Хотя архиепископ Иркутский Парфений (Попов) содействовал деятельности Переводческого комитета [31, с. 244], формально подчинявшийся ему Вениамин долгое время был противником перевода священных и богословских книг на бурятский язык и доказывал возможность и необходимость использования русского [8, с. 108].

Н. И. Ильминский как глава Переводческой комиссии утверждал, что переводы необходимы и что надо использовать не книжный, а живой, разговорный язык, доступный для понимания большинства аборигенов. В письме К. П. Победоносцеву этот известный педагог вспоминал, что еще в 1873 г. он докладывал попечителю учебного округа, что надо «вводить у бурят и других инородцев Восточной Сибири начальное обучение на родном языке, но не книжном, а живом и разговорном, и для большего распространения научных сведений и общежительных понятий... составлять и издавать для народного чтения самые доступные по изложению и интересные по содержанию книги на местных наречиях» [15, с. 116–117]. В письме к забайкальскому миссионеру Мелетию (Якимову), которого он высоко ценил, будучи хорошо знаком с ним еще со времен его жизни в Казани, Ильминский еще раз обосновал свои принципы: «Главная мысль и суть всего дела: что христианство составляет особое мирозерцание, а буряты имеют теперь мирозерцание свое... чтобы изменить это... нужно ученье, для этого нужны книги на их родном языке, излагающие доступно элементарные истины христианства» [26, с. 72–73]. Ту же точку зрения отстаивал в переписке с Вениамином и Владимир (Петров): «Но что полезно перевести хорошие книги и богословские на родной язык инородцев, то это несомненно. Я вижу своими глазами, какое сильное впечатление производит Богословие, когда родной

язык делает его доступным для инородческого разума и сердца» [8, с. 28]. Не случайно сторонники Ильминского нередко апеллировали к авторитету известных миссионеров – Иннокентия (Вениаминова) и Макария (Глухарева) [24, с. 143–144].

Позиция К. П. Победоносцева в дискуссии по вопросу о языке оказалась более сложной, чем это можно было бы предположить. Л. Н. Харченко справедливо замечает, что его «жесткая политика русификации национальных окраин» была следствием «воплощения в жизнь тезиса о народности православия» [31, с. 193–194]. Однако, несмотря на близость политических позиций обер-прокурора и Вениамина, Победоносцев поддержал не его, а Ильминского. Священным синодом 15 января был принят указ «об обязательном богослужении для обращенных инородцев на их природных языках».

После этого Вениамин был вынужден ввести «богослужение на бурятском языке в тех станах, где новокрещенные и мал-мал не толмачут», и возобновить переводческую деятельность, против которой ранее решительно возражал [8, с. 165]. Его подчиненный Мартиниан (Муратовский) признал обязательность перевода богослужебных книг «на родной общедоступный язык», хотя соглашался в непригодности переводов на «книжный монгольский» [19, с. 369]. Вениамин нетерпимо относился к переводам, выполненным под руководством бывшего иркутского архиепископа Нила (Исаковича), так как они, по его мнению, были «сделаны на древний книжный язык, который понимают только ученые буряты, и при том со множеством ошибок» [8, с. 108]. Он отстаивал свою точку зрения, пытался повлиять на позицию К. П. Победоносцева: решительно и настойчиво требовал в письме к нему (копия письма была отправлена Н. И. Ильминскому), чтобы «в школе и делопроизводстве... не отменяя совсем переписки на инородческом языке, где она уже введена, обязать писать живым бурятским языком с употреблением русского алфавита», что должно «вести бурят не к омонголению, а к сближению с русской народностью» [21, с. 39]. Возвратившись к своей главной мысли об обрусении, он писал, что следует подчинить «инородцев общим законам империи» [6, с. 17].

Дискуссия была продолжена на съезде сибирских иерархов с участием глав гражданской администрации в 1885 г., проводившемся под покровительством К. П. Победоносцева [25, с. 248]. Это был один из серии епископских соборов, в которых участвовали представители светской власти и которые были организованы обер-прокурором Синода в 1880-е гг. [25, с. 248–249]. Вениамин предполагал включить в решения съезда ходатайство «об отмене Учреждения об управлении сибирскими инородцами», ибо «отдельные для инородцев законы есть зло, которое могло быть терпимо до времени, но не должно оставаться навсегда к поддержке сепаратизма инородцев» [8, с. 178]. Подобные идеи совпадали с общим курсом Победоносцева, по мнению которого «отношения центральной власти с присоединенными к России («спасенными и облагодетельствованными») народами должны были строиться на началах максимальной строгости. Иная политика («система ухаживания за инородцами») могла... подорвать основы государственного

порядка и ослабить единство империи» [25, с. 266]. В решениях съезда подчеркивалось, что «обращение инородцев к христианству» имеет «великую и высокую важность... как верный шаг к объединению их с русским народом и обрусению» [16, с. 251], и предлагалось упразднить «органы управления народами края, введенные “Уставом” 1822 г.» [16, с. 252].

Несмотря на победу в этом вопросе, отстаивавшаяся Вениамином идея преподавания только на русском языке, как и вся его система, потерпели поражение. Вскоре после его кончины новый иркутский епископ Тихон (Троицкий-Донебин) образовал Комиссию для перевода священных, богослужебных и религиозно-нравственных книг на местный бурятский язык [31, с. 252; 22]. В решениях комиссии подчеркивалась необходимость говорить с бурятом «его родным языком», знакомить его с учением христианской веры и совершать «богослужение на понятном ему языке» [22, с. 2], повторялись имя и идеи Н. И. Ильминского, а также имена сибирских миссионеров, придерживавшихся схожей с ним точки зрения, – Макария (Глухарева), Дионисия (Хитрова), Иннокентия (Вениаминова) [10, № 13, с. 9; 22, с. 5].

Список литературы

1. *Амоголонова Д. Д.* Буддизм в Бурятии: Российское государство и конфессиональная конкуренция // Страны и народы Востока. – 2015. – № 26. – С. 5–41.
2. *Бадмаев А. А.* К вопросу о христианизации предбайкальских бурят. Вторая половина XIX – начало XX в. // Народы Байкальского региона: древность и современность. – Новосибирск : Ин-т археологии и этнографии, 2002. – С. 24–31.
3. Буддизм в истории и культуре бурят / отв. ред. Т. Р. Гарри. – Улан-Удэ : Буряад-Монгол Ном, 2014. – 417 с.
4. *Бураева О. В.* О взаимоотношении буддизма и православия в социально-политической реальности Бурятии // Буддизм в общественно-политических процессах Бурятии и стран Центральной Азии. – Улан-Удэ : Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2012. – С. 120–125.
5. *Бураева О. В.* Православие у бурят (XVII – начало XX в.) // Этнограф. обозрение. – 2010. – № 1. – С. 55–65.
6. *Вениамин (Благодрагов В. А.)*. Жизненные вопросы православной миссии в Сибири. – СПб. : Тип. А. М. Катомина, 1885. – 75 с.
7. *Вениамин (Благодрагов В. А.)*. Обязанности русского государства по обращению иноверцев и раскольников к православной русской церкви // Тр. правосл. миссий Иркут. епархии. – Иркутск : Тип. Н. Н. Сеницына, 1886. – Т. 4. 1878–1883 гг. – С. 641–657.
8. *Вениамин (Благодрагов В. А.)*. Письма Вениамина, архиепископа Иркутского к Казанскому архиепископу Владимиру (1862–1889 гг.) / предисл. и прим. К. В. Харламповича. – М. : Имп. о-во ист. и древностей российских, 1913. – 218 с.
9. *Владимир (Петров)*. Письмо старого инока миссионера к молодому иноку миссионеру // Православ. благовестник. – 1893. – № 6. – С. 3–12.
10. Выработанные в переводческой комиссии при Иркутском комитете Православного миссионерского общества руководственные правила при переводе священных, богослужебных и религиозно-нравственных книг на местный бурятский язык // Иркут. епархиал. ведомости. Прибавления. – 1893. – № 13. – С. 1–10; № 14. – С. 7–12.

11. *Дамешек Л. М.* Внутренняя политика царизма и народы Сибири (XIX – начало XX в.). – Иркутск : Изд-во Иркут. ун-та, 1986. – 167 с.
12. *Дамешек Л. М.* Проблемы интеграции коренных народов Сибири в имперскую систему России XVIII – начала XX в. // Сибирское общество в контексте модернизаций XVIII–XX вв. – Новосибирск : Ин-т ист. СО РАН, 2003. – С. 95–105.
13. *Дулов А. В.* Взаимоотношения светских и духовных властей в Восточной Сибири в XVII – начале XX в. // Изв. Иркут. гос. ун-та. Сер. Политология. Религиоведение. – 2009. – № 1(3). – С. 251–260.
14. *Дулов А. В., Санников А. П.* Православная церковь в Восточной Сибири в XVII – начале XX в. – Иркутск : СибПолиграфСервис, 2006. – 294 с.
15. *Ильминский Н. И.* Письма к обер-прокурору Св. Синода К. П. Победоносцеву. – Казань : Православ. собеседник, 1895. – 414 с.
16. История Усть-Ордынского Бурятского автономного округа / отв. ред. Л. М. Дамешек. – М. : Прогресс. Культура, 1995. – 542 с.
17. *Исхаков Р. Р.* Предисловие // Материалы по истории образования и просвещения народов Волго-Уралья в рукописных фондах Н. И. Ильминского. Сборник документов и материалов / авт.-сост.: Р. Р. Исхаков, Х. З. Багаутдинова. – Казань : Ин-т ист. АН РТ, 2015. – С. 3–30.
18. *Колчерин А. С.* Н. И. Ильминский (1822–1891) – педагогическая деятельность и миссионерское служение в Поволжье // Вестн. Православ. Свято-Тихонов. ун-та. II: История Русской православной церкви, 2013. – Вып. 4(53). – С. 83–89.
19. Мартиниан, епископ. О состоянии Забайкальской духовной миссии в 1870 г. // Тр. правосл. миссий Вост. Сибири. – Иркутск : Тип. Н. Н. Сеницына, 1884. – Т. 2. 1868–1872. – С. 354–382.
20. *Матханова Н. П.* Взаимоотношения представителей светской и церковной администрации Восточной Сибири в XIX в. // Религиозные и политические идеи в произведениях деятелей русской культуры XVI–XXI вв. Сер. Археография и источниковедение Сибири. – Новосибирск : Изд-во СО РАН, 2015. – Вып. 33. – С. 172–184.
21. О христианском просвещении инородцев. Переписка архиепископа Вениамина Иркутского с Н. И. Ильминским. – Казань : Типолит. Казан. ун-та, 1905. – 40 с.
22. Открытие при Иркутском комитете Православного миссионерского общества Комиссии для перевода священных, богослужебных и религиозно-нравственных книг на местный бурятский язык // Иркут. епархиал. ведомости. Прибавления. – 1893. – № 3, 23 янв. – С. 1–6.
23. Парфений, архиепископ. Иркутская духовная миссия в 1870 г. // Тр. правосл. миссий Вост. Сибири. – Иркутск : Тип. Н. Н. Сеницына, 1884. – Т. 2. 1868–1872. – С. 273–353.
24. *Победоносцев К. П.* Из воспоминаний о Н. И. Ильминском // Рус. вестн. – 1892. – № 2. – С. 143–144.
25. *Полунов А. Ю.* К. П. Победоносцев в общественно-политической и духовной жизни России / А. Ю. Полунов. – М. : РОССПЭН, 2010. – 374 с.
26. *Стуков Ф.* Из переписки Н. И. Ильминского с миссионерами Восточной Сибири // Православ. благовестн. – 1895. – № 18. – С. 63–73.
27. *Харлампович К. В.* К биографии Вениамина, архиепископа Иркутского // Христиан. чтение. – 1906. – Ч. 1, № 7. – С. 133–155; № 8. – С. 302–311; № 9. – С. 442–460.
28. *Харлампович К. В.* О миссионерских переводах на инородческие языки // Православ. собеседник. – 1904. – Июль-август. – С. 228–253.

29. Харлампович К. В. Предисловие // О христианском просвещении инородцев. Переписка архиепископа Вениамина Иркутского с Н. И. Ильминским. – Казань : Типолит. Казан. ун-та, 1905. – С. 3–7.

30. Харлампович К. В. Предисловие // Письма Вениамина, архиепископа Иркутского, к Казанскому архиепископу Владимиру (1862–1889 гг.) / предисл. и прим. К. В. Харламповича. – М. : Имп. О-во ист. и древностей российских, 1913. – С. 3–8.

31. Харченко Л. Н. Православная церковь в культурном развитии Сибири (вторая половина XIX в. – февраль 1917 г.). Очерк истории. – СПб. : Изд-во Политехн. ун-та, 2004. – 512 с.

32. Цыремпилов Н. В. Буддизм и империя: бурятская буддийская община в России (XVIII – начало XX в.). – Улан-Удэ : Ин-т монголоведения, буддологии и тибетологии, 2013. – 335 с.

Discussion of Orthodox Missionaries XIX Century about Language Learning and Worship and Problem of Confessional and Ethnic Identity of Buryats

N. P. Matkhanova

Institute of History SB RAS, Novosibirsk

Abstract. The article discusses the viewpoints of the significant missionaries of the Russian Orthodox Church on the question of necessity/ the undesirability of using of the Buryat language in learning and worship and about interconnectedness ethnic and confessional identity. Gives the opinion of the head of Transbaikalian spiritual mission, later the head of the Irkutsk diocese Benjamin (Blagonravov). Benjamin proved the need to use Russian language in teaching the Buryat and worship for them. He set the purpose of Russification the Buryats and believed that the preservation of the Buryat language will lead to the preservation of ethnic identity. Given the opposite point of view of the Kazan teacher and missionary N. I. Ilmenskiy. Used correspondence both discussants with each other and with the chief Procurator of the Synod K. P. Pobedonostsev, and letters from Benjamin to his friend, the head of the Altai spiritual mission Vladimir (Petrov).

Keywords: ethnic and confessional identity of buryats, russian orthodox missionaries, translation religious literature in the buryat language, Benjamin (Blagonravov), Vladimir (Petrov), N. I. Ilminskiy, K. P. Pobedonostsev.

*Матханова Наталья Петровна
доктор исторических наук, профессор
Институт истории СО РАН
630090, г. Новосибирск, ул. Николаева, 8
тел.: 8(383) 330-36-71
e-mail: istochnik_history@mail.ru*

*Matkhanova Natalya Petrovna
Doctor of Sciences (History), Professor
Institute of History SB RAS
8, Nikolayev st., Novosibirsk, 630090
tel.: 8(383) 330-36-71
e-mail: istochnik_history@mail.ru*